

Алексей Ратманский: Мои планы придется втиснуть в девять названий

проекты балет

Кашшерсанта - 2003 - 15 селлм - с 22

В Большой театр приезжал хореограф Алексей Ратманский, который с 1 января станет художественным руководителем его балетной труппы. ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА попыталась выпытать у АЛЕКСЕЯ РАТМАНСКОГО, что ждет балет Большого в будущем.

— Когда вы приступите к своим обязанностям?

— В феврале-марте меня здесь не будет — 2 апреля в Копенгагене премьера моей «Анны Карениной». Но я постоянно общаюсь с Москвой из Дании — намечаем планы на конец этого сезона, на следующий. Пока рассказывать не о чем — ничего еще не подписано.

— Расскажите хотя бы о том, куда движется ваша руководящая мысль.

— Одно из приоритетных направлений — новые русские хореографы.

— Откуда вы их возьмете?

— Ну, появятся. И сейчас есть несколько имен.

— Приглашая вас руководить театром, Большой рассчитывал на ваши собственные постановки.

— Большой театр с детства казался мне таким Олимпом, на который невозможно взобраться. И предложение ставить по балету в сезон меня несколько подавило. Потом я решил смотреть на это проще — когда еще представится возможность работать с таким количеством одаренных людей? Может, и не получится ставить в сезон по балету, но ограничивать себя я не буду. Тем более что балетмейстерский опыт у меня уже есть, а вот руководящего — никакого. Тут придется импровизировать — с помощью профессионалов, конечно.

— Что еще можно ожидать от вас?

— Театр может поставить только три балета в год. Контракт у меня до конца сезона 2006/07 года, и значит, должно быть подготовлено всего девять балетных вечеров. Так что все мои планы — реконструкции, новые постановки, западная хореография — придется втиснуть в эти девять названий. При этом надо понять, нужно ли это труппе, нужно ли критике, публике, учесть мои собственные вкусы и как все это будет выглядеть в русле традиций — вот такой пазл я и раскладываю, строя долгосрочные планы.

— Какие-то названия уже обозначились?

— Меня очень интересует советская хореография догригоровичевского периода. Хотелось бы что-то восстановить или сделать ремейк: «Пламя Парижа», «Мирандолину» Василия Вайнонена или «Красный мак» — это были сильные, профессионально сделанные спектакли, несправедливо забытые. Такие балеты дадут труппе много ролей, много танцев, характерных и драматических. В «Светлом ручье» это получилось, так что имеет смысл двигаться в этом

направлении. В Большом, как оказалось, много актеров — может, их таланты не были раньше использованы в полной мере. Если говорить о реставрации русской хореографии, сразу всплывает фамилия Мясина (открытый Дягилевым знаменитый хореограф, чьи балеты у нас не идут. — „Ъ“), тем более что он москвич. Из знаменитой четверки — Ноймайер, Килиан, Матс Эк, Форсайт — переговоры ведутся с Ноймайером и Матсом Эком. Их начал еще Борис Акимов, нынешний худрук Большого.

— А готова ли труппа к работе с современным хореографом?

— Из своего исполнительского опыта могу сказать — то, что давалось трудно, мне было наиболее дорого, а работа с Матсом Эком была самой интересной в моей карьере танцовщика.

— Боюсь, стоически преодолеть себя согласится едва ли 20% труппы Большого.

— Замечательно. Приезжает, к примеру, Матс Эк, отбирает эти 20% — он их видит, у него глаз наметанный — и делает с ними замечательный спектакль.

— А вот в 2005 году 200-летие Бурнонвиля, из колыбели которого вы только что выпрыгнули.

— Ну, я только покрутился вокруг этой колыбели. Юбилей будет широко отмечаться в Дании, но к России Бурнонвиль имеет очень отдаленное отношение: когда он приезжал сюда, весьма скептически отзывался о Петипа и его стиле. Может быть, к дате Бурнонвиля лучше почистить его «Сильфиду» — в балете очень много содержательных мизансцен, которые здесь исчезли. Конечно, хорошо бы и Баланчина ставить. Но ведь на все про все девять спектаклей. К тому же у труппы огромная нагрузка: 2 сцены, 170 спектаклей за полсезона. Готовить новые постановки при таком расписании чрезвычайно трудно. Все проблемы решить невозможно — их можно только сгладить.

— Говорят, уже в конце этого сезона можно ожидать вашей премьеры.

— Мы работаем над программой русского вечера. Один из балетов будет мой, но сомневаюсь, что успею сделать что-то новое. Все названия еще уточняются.

— Многие считают, что вы в театре не продержитесь весь срок контракта — Большой вас съест.

— Странные вы вопросы задаете. Что тут комментировать?

— Что бы вас могло вынудить подать в отставку?

— Если вся труппа будет против меня — конечно, в такой ситуации невозможно работать. Или если я почувствую, что я не справляюсь.

— За 30-летнее правление Юрия Григоровича труппа Большого театра привыкла скорее к кнуту, чем к прянику. Судя по всему, вы не владеете кнутом. Кто в вашей команде будет «дрессировщиком»?

— Вы имеете в виду Янина (новый заведующий балетной труппой. — „Ъ“)? Не знаю, вряд ли. Я работал в трех труппах и убедился, что кнуты действуют плохо.

— Балерине Волочковой предложен контракт до 31 декабря. Похоже, именно вам придется решать, быть или не быть ей в труппе.

— В январе и будем решать.

— В ноябре — за два месяца до истечения контракта.

— Ноябрь не в моей компетенции.

— Какого вы лично мнения об артистке Волочковой?

— Прекрасная артистка в своем жанре.

— В каком?

— Немножко поп. Полуэстрадный, хотя она танцует классические балеты. Я, правда, не видел ее в них.

— На этой неделе вы смотрели труппу. И как она вам?

— Большое впечатление производит женский кордебалет — на длинных ногах, с отличными фигурами, с большими шагами, прыжками. Мужские классы я меньше смотрел. На спектаклях танцуют хорошо, иногда лучше, иногда хуже. Мне кажется, отстает содержательность — мизансценам не придается особого значения. От этого сюжет неясен, зритель не сопереживает. В особенности это касается старинных мелодрам — их надо наполнить живым человеческим опытом.

— Уехав из Дании, вы потеряли пожизненный контракт солиста, ваша жена — работу, что еще?

— Квартиру с видом на озеро с лебедями.